

Путь на запад.

Почтовый поезд несшибно, но неуказанно обжигает на запад, к тому краю, к которому теперь прикованы все наши помыслы. Десятки и сотни верст остаются за нами. И чьясь дальше мы идем, чьясь ближе оказываемся мы к таинственному театру военных действий, чьясь спокойнее и радостнее становится на душе. Над многолетними наблюдениями, над случайными встречами и «саговыми» разговорами выносятся твердые убеждения, что то настроение бодрости и силы в себя, которое в Москве можно было объяснить от сравнительной отдаленности от совершающихся событий, есть настроение всей России. Видишь и слушаешь людей, случайно сошедшихся в общем сагове или в самых отдаленных одна от другой губерний и из разных городов, — и ни одной ноте не прожужжаешь в разговорах, которая нарушила бы всеобщую уверенность в далеком конечном успехе.

Конечно, видный вид столь знающей местничкам Александровской дороги несколько изменился. Почти половина пассажиров почтового поезда — военные; на всех станциях и везде в окопках видишь солдатские мундиры. В буфетах, мирно торгующих квасом и лимонной водой, расклеены объявления, относящиеся к событиям наших дней (диагностика, указания для войск, профессиям из неграмотных мещанских, и т. п.). На всех станциях, даже маленьких, продаются мещанские издания «Телеграмм», «Петербургского Агентства», так что пассажиры могут постоянно следить за событиями. Из которых из этих изданий отчисляются 50% дохода на пользу Красного Креста.

Но самое характерное, что кругом все и все занято одним: войной. Иной темой для разговоров быть. И крестьяне-быворусы в обычных беседах, и ефрейты длинноногих сюртуках, и офицеры запаса, идущие к своим частям, и польские козачики, величественные и горделивые, — все интересуется только последними событиями с границы и из-за границы. Говорят разными языками и на разных языках, но все одинаково трезво смотрит на события, не обольщается иллюзиями надеждами, но и ни на миг не теряет веры в успех. Если же и попадаются человек со своим каким-нибудь воображением, который начинает передавать фантастические слухи, — вездь, — и в демократическом населении третьего класса, и в «избранной» публике неважно, — тотчас находят лица, умевшие «осадить» увлекающегося рассказчика.

Те, которые участвовали в действии мобилизации, рассказывают о своем труде, тяжелом и напряженном, — и чувствуют, что они работали не за страх, а за совесть. Ответивно военные, старики, вновь надвигая мундир, из которых один «предъявляет» обр. казначей, — и тухленую, и японскую. — спокойно объясняют: «В такие дни я не емлю себя в правь не идти на службу». В третьем классе простой мужичек ораторствует перед грушней русских, быворусов и ефрейтов: «Если надобно будет, всей Россией встанем, не подлаякая пшцу». Слушатели сочувственно кивают головами.

За окопом — полд. Кто-то смеясь, съедает убрало; лишь кое-где еще слышно заканчивающую работу. Работавшие встречают поезд настоящим криком: «Газеть, газеть!». Наступает вечер; где-то в открытое поле военный трубач играет зорю, и красиво явнеть в ясном воздухе призывные звуки. Там и сям загораются костры. Темные фигуры поднимаются около костров при приближении поезда, и тут же враз охватывается в окна вагонов: «Газеть, газеть!».

На одной станции я встретил со знакомым москвичом в купежном М. Ф. Ларионовым. Он только что вернулся в Россию, через Константинополь после своих ирландских и лондонских успехов. Теперь в мундире прапорщика Ларионов идет в своей части. Поговорив, мы обнялись и попрощались с обычным в наши дни обаянием:

— Быть-может, скоро встретимся... в Берлине!

Валерий Брюсов.

Александровская дорога, 15-го августа.